

Одним из ярких имен в славной плеяде гражданственно-революционных романтиков является Джордж Ноэль Гордон Байрон, которого Пушкин назвал «гением, властителем дум», а Белинский — «необъятным, колоссальным поэтом»: «Байрон — это Прометей нашего века, прикованный к скале, терзаемый коршуном...». Годы жизни его совпали с эпохой, порожденной Великой Французской революцией, временем наполеоновских: войн, борьбой народов за национальную независимость в странах Европы и в России, промышленным кризисом и движением луддитов в Англии. Это было время, когда на всех языках звучало слово «свобода». Оно поднимало на борьбу испанцев, поляков, португальцев, албанцев, ирландцев, итальянских карбонариев, русских крестьян и дворян-интеллигентов, позднее названных декабристами. Творчество Байрона отразило и светлые надежды освободительной борьбы, и уныние, вызванное свирепым гнетом «Священного союза» монархов. Бурная, насыщенная жизнь Байрона была окружена ореолом романтики. О себе он писал: «...жил я не напрасно, хоть, может быть, под бременем невзгод, борьбою сломлен, рано я угасну, но нечто есть во мне, что не умрет, чего ни смерть, ни времени полет, ни клевета врагов не уничтожит...» И слова его оказались пророческими. Родился Байрон в Лондоне 22 января 1788 года в аристократической семье. Отец его, женившийся во второй раз на девушке-шотландке, очень скоро промотал ее состояние и, спасаясь от кредиторов, скрылся во Франции, где спустя два года умер. Детство поэта прошло в шотландском городке Эбердине. Жили они с матерью очень бедно. Чуткий ко всему красивому, мальчик полюбил суровую, но живописную природу тех мест, много читал, интересовался легендами о благородном разбойнике Робине Гуде, любил музыку. Когда мечтательному, замкнутому Джорджу исполнилось десять лет, умер его двоюродный дед, оставив внуку родовое разрушенное имение Ньюстед в Ноттингемском графстве и титул лорда, который давал Байрону право по достижении совершеннолетия стать членом английского парламента. После первоначального обучения мальчик был отдан в аристократический колледж в Харроу (Гарроу). Здесь он оставил о себе память как справедливый и верный товарищ, любознательный, вдумчивый и вместе с тем живой юноша. Пытаясь исправить свой физический недостаток (хромоту), он серьезно занимался спортом, стал стрелком, боксером, наездником, отличным пловцом, но хромота его осталась. По окончании колледжа Байрон поступил в Кембриджский университет, где увлекался трудами французских просветителей и готовился к общественной и политической деятельности, для чего изучал риторику. Искусство оратора Байрон считал выше искусства поэта, хотя уже тогда писал стихи. Изданный в 1807 году сборник его стихотворений «Часы досуга» носил следы подражания, но свидетельствовал о том, что у юного поэта крепнет собственный голос и формируется свое отношение к жизни. Чтобы это почувствовать, достаточно прочитать стихотворение «Хочу я быть ребенком вольным», в котором звучит грусть поэта о прошедшем детстве и резкая критика жизни аристократической молодежи. Ему хотелось бы «снова жить в родных горах, скитаться по лесам раздольным, качаться на морских волнах...» Юноша тоскует по интересной, наполненной смыслом жизни: «Жить среди рабов — мне нет охоты, их руки пожимать — мне стыд!...» он был бы счастлив возвратити прежнее: * Верните мне друзей заветных, * Деливших трепет юных дум, * И брошу оргий дорассветных * Я блеск пустой и праздный шум... Сборник был встречен критикой неблагоприятно. На статью, помещенную в журнале «Эдинбургское обозрение», поэт ответил резкой сатирой «Английские барды и шотландские обозреватели», где дал оценку поэтам-современникам, высказал мысль об общественном назначении литературы, о необходимости в поэзии «мыслить и сурово высказывать правду», а не поэтизировать феодальное средневековье с его пресловутым рыцарством. Это создало Байрону репутацию независимого, смелого человека. Окончив университет, поэт в 1809 году отправляется в двухлетнее путешествие по странам Европы. Он посетил Португалию, Испанию, Албанию, Грецию, Турцию. Путешествие дало поэту массу впечатлений, укрепило его демократические симпатии и политическое вольномыслие, сделало непримиримым врагом социального гнета. «Я изучил наречия другие, к чужим входил не чужеземцем я», - вспоминал он. Все виденное легло в основу его первой поэмы «Паломничество

Чайльд-Гарольда», начатой еще в Албании. Первая речь Байрона 27 февраля 1812 года была посвящена защите ноттингемских ткачей-луддитов. Живший в этом графстве, Байрон хорошо знал о бедственном положении рабочих, которых голод толкал на уничтожение станков. Контрмерой правительства должен был стать закон (билль) о смертной казни тем, кто ломал машины. Речь Байрона ошеломила лордов. Поэт не только выступил против билля о смертной казни луддитам, он пытался раскрыть глаза знати на бедственное положение трудящихся Англии и призывал задуматься над его причинами. * «Неужели,- спрашивал он,- железо и кровь были когда-нибудь в состоянии залечить раны обездоленного и голодного люда?.. А понимаем ли мы, чем мы обязаны черни? Ведь эта чернь обрабатывает наши поля и прислуживает в наших домах, ведь это из черни набирается наш флот и вербуются наша армия, это она дала нам возможность бросить вызов всему миру,- она бросит вызов нам самим, если нуждой и небрежением будет доведена до отчаяния... Мы не можем допустить, чтобы человечество приносилось в жертву техническим усовершенствованиям. Поддержание существования трудящихся бедняков и их благополучия гораздо выше для общества, чем обогащение нескольких монополистов за счет усовершенствования орудий производства, лишаящих рабочих хлеба». Трудно не увидеть в этих словах горячего сочувствия трудовому народу, не заметить политической дальновидности Байрона. Поэт взывал к здравомыслию правительства. Но голос «мятежного лорда» оказался гласом вопиющего в пустыне. Билль о смертной казни луддитам парламент утвердил. Однако Байрон не отступился. Спустя три дня в печати появилась анонимная «Ода авторам билля против разрушителей станков». Само название звучало как убийственная ирония. Насмешка, боль, стыд за «свободный» английский парламент нарастает с каждым четверостишьем. Называя в первых строках министра иностранных дел Гейдара и рьяного сторонника билля лорда Эльдона, автор словно выставляет их к позорному столбу: «Британия с вами как раз процветет!» Б защищает «негодяев», которые «сидят без полушки оправдывает их -«и пес, голодая, на кражу пойдя пародирует речи членов парламента: «Их вздернув что сломали катушки, правительство деньги и сбережет».